

ЗАМЕТКИ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ
ВЕНГЕРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

И. Пете

В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова отмечают, что "на протяжении истории методики обучения иностранным языкам, вероятно, не было другого принципа, к которому бы так противоречиво изменялось отношение, как к принципу опоры на родной язык. В настоящее время принцип учета родного языка не является дискуссионным, он признается практически всеми; споры возникают лишь по частным вопросам сопоставительной методики, связанным с практической реализацией этого принципа. В настоящее время под учетом родного языка подразумевают принцип отбора и организации материала, принцип выделения наиболее трудных при изучении русского языка и необходимых для учащихся явлений"¹. По этому принципу построена у Аттилы Шальги книга "Венгерский язык в зеркале русского языка" /Будапешт, 1984, 151 с./. Пособие предназначено в первую очередь для советских преподавателей, обучающих венгров русскому языку в период включенного обучения на стажировке и на разных курсах. Цель данной книги — дать возможность советским преподавателям познакомиться с основами графической, фонетической, морфологической и синтаксической системы венгерского языка. В конце книги даются также сведения страноведческого характера — это наилучшая часть книги, как, например, как считают венгры и русские на пальцах, как называются этажи в русском и венгерском языках, как пишутся адреса на конверте, какие данные имеются в русских и венгерских паспортах, как обращаются ученики к преподавателям в русских и венгерских школах, какова система оценок знаний учеников, когда 'время детское' у русских и у венгров, какие праздники у русских и венгров и др. Ценность книги состоит в том, что она является руководством для советских преподавателей, позволяющим предсказать случаи возможного действия межъязыковой интерференции.

Работы такого характера требуют сопоставления не только системы двух языков, но и точки зрения на данные языковые явления в области науки о русском и венгерском языках. Довольно часто наблюдаются случаи, когда те же самые или сходные явления в разных языках учеными оцениваются по-разному или же просто излагаются не одинаково. При описании таких языковых явлений от исследователя требуется определенная смелость, чтобы отказаться от традиционных взглядов относительно того или иного языка, чтобы не увеличить расхождения там, где их фактически нет. Аттиле Шальге такой смелости иногда не хватает. Так, напр., русские согласные звуки 'по наличию или отсутствию голоса' делятся на шумные /шумные глухие, шумные звонкие/ и сонорные, венгерские же согласные 'по работе голосовых связок' могут быть глухими, звонкими и сонорными. При подобной форме изложения того же самого принципа классификации совпадающие в русском и венгерском языках группы могут показаться некоторым преподавателям несовпадающими /см. с. 19/. На основе этой же таблицы у читателей создается впечатление, что в венгерском языке согласные звуки — в отличие от русского языка — не различаются 'по участию спинки языка', то есть, что в данном случае мы имеем дело с полным отсутствием мягких согласных в венгерском языке. На самом же деле в венгерском языке имеются 4 палатальных /не 'палатализованных'/ мягких согласных звука, которые могут выступать как фонемы. Ср.: dér — gyér, dül — gyül, enni — ennyi, atya — atyja /с. 20/. На основе предложения "Венгерские согласные можно произносить как кратко, так и долго" /с. 19/ можно сделать вывод, что в русском языке нет долгих согласных звуков. Здесь однако проявляется частичное совпадение: в русском языке долгие согласные звуки имеются в начале и в середине слова, но не могут стоять в конце слова, в венгерском языке их не встречается в начале слова, кроме того венгерские краткие и долгие согласные обычно противопоставляются друг другу как фонемы, что не характерно для русского языка. Ср.: введение — ведение, касса; но: бал — балл, [бал] гриб [гр'ип] — грипп [гр'ип], ál — áll, ara — arra.

В данном пособии отсутствует в отдельных случаях продуманная система изложения материала. О звуковых реализациях отдельных согласных и гласных фонем /с. 20, 16/ следовало бы говорить после описания системы фонем. Эта система однако дается только на 24 и 25 страницах.

Возможная симметрия не всегда прослеживается в ходе описания. При описании звуковых реализаций отдельных согласных фонем встречаются группы согласных без различий в артикуляции и 'согласные звуки с различиями в артикуляции' /с. 20/, при описании же гласных звуков ход описания диктуется другим принципом. Не выделяются в особую группу те согласные звуки русского языка, усвоение которых особенно трудно для венгров. Это звуки ы, л, ж, ш, сочетание звуков дж, дз /они ошибочно считаются в пособии аффрикатами/ и мягкие согласные звуки /за исключением т', д', н'/ и звук ј после мягких согласных в начале ударяемого слова /Татьяна, крестьяне/.

Что касается классификации частей речи, то можно было бы отметить, что в венгерском языке также имеется связка и существуют модальные слова, правда, в грамматиках венгерского языка не выделяются в самостоятельные части речи. /В академической грамматике русского языка 1980-го года также нет этих частей речи/. В дальнейшем Шальга уже указывает на существование связки и модальных слов в венгерском языке. /Ср. с. 33-34, 83-87/. Говоря о последелогах в венгерском языке, автор мог бы указать, что в русском языке некоторые предлоги могут выступать также в функции послелого, и слово назад в русском языке также является послелогом. Не только послелог, но и предлоги могут ставиться дважды /с. 90/. Разница между ними однако в том, что послелог только тогда может ставиться дважды, "если имя существительное с послелогом в качестве определения имеет при себе указательное местоимение. Ср.: за тем кустом — а mögött a bokor mögött" /с. 90/. Два разных предлога в русском языке также могут стоять перед одним словом:

а/ для усиления какого-либо одного значения употребляются предлоги синонимического значения: Для ради важности держат,

потому что княжеское, — подумал Базаров /Тургенев, Отцы и дети/. В садочке по-за тыном что-то зашуршало /Короленко, Судный день/. Если кто-то из-среди нас предпримет такое путешествие, мы уже.. с изумлением таращим на него глаза /Гоголь/. Тот из-между нас нам должен быть опасен, кто властолюбием свой дух возмог прельстить /Озеров, Дмитрий Донской/. А вон еще трое едут под-лесом /Л. Толстой/². По-над Доном сад цветет /А.Кольцов/.

б/ Сложение предлогов является средством пополнения категории предлогов в славянских языках³. В современном языке так возникли сложные предлоги: из-за, из-под.

в/ два предлога перед одним словом могут выражать разные значения: Я останусь здесь до без четверти час.

Деление глаголов на переходные и непереходные с сопоставительной точки зрения является проблематичным. А. Шальга придерживается точки зрения, принятой в русском языкознании, согласно которой "переходные глаголы называют действие, которое направлено на объект, выраженный зависимым именем в форме вин. падежа /при наличии в предложении отрицания такой вин. пад. регулярно заменяется род. п.: читал книгу — не читал книги/"⁴. "Непереходные глаголы называют действие, не предполагающее объекта, выраженного формой вин. п."⁵. Глаголы с постфиксом -ся относятся к глаголам с формально выраженной непереходностью. Такая точка зрения на категорию переходности/непереходности сильно увеличивает расхождения в разных языках по категории переходности/непереходности. В направленности действия на объект трудно обнаружить какие-либо различия, напр., при сопоставлении таких синонимичных словосочетаний как: водить машину — управлять машиной, руководить делегацией — возглавлять делегацию, двигать стулья — двигать стульями, развести гармонь — развести руками, поникнуть головой — склонить голову, моргнуть глазом — зажмурить глаза, поводить бровями — насупить брови, изучать языки — учиться языкам. В § 1459 "Гр.-80" указывается,

что существуют переходные глаголы, "совмещающие значение достижения результата со значением количественности: нарвать цветов, наделать ошибок, закупить книг". Подобные значения выражаются также глаголами с постфиксом -ся: напиться воды, наесться сладкого/хлебом, надышаться лесным воздухом, обесться сладким. Пояснительные члены таких словосочетаний во 2-м томе "Гр.-80" оцениваются как объект разных действий /бояться, стыдиться кого-чего, учиться, радоваться, улыбаться чему-н., распоряжаться чем-н., интересоваться чем-н. и др./ см. §§ 1737, 1738, 1739/. Логично сделать вывод, что объект может стоять только при переходных глаголах. Языковым фактам соответствует такая точка зрения на категорию переходности/непереходности, согласно которой переходные глаголы обозначают действие, переходящее на объект. Они делятся на прямо-переходные и косвенно-переходные. На такой теоретической основе переходные и непереходные глаголы в разных языках обычно совпадают по наличию признака переходности/непереходности, поскольку переходность/непереходность глаголов прежде всего зависит от их семантических свойств. Переходные глаголы часто различаются в разных языках по характеру переходности. В книге Шальги, к сожалению, не обращается внимание на такие типы расхождений между русским и венгерским языками. Нет и намека на то, что подавляющему большинству русских косвенно-переходных глаголов в венгерском языке соответствуют 'прямо-переходные глаголы', управляющие винительным падежом существительных. Ошибочным является утверждение автора о том, что в венгерском языке "формальным признаком выражения объекта являются... окончания безобъектного спряжения глагола" /с. 37/. Окончания безобъектного спряжения в венгерском языке не указывают на объект. Ср.: Péter olvas egy könyvet/könyvet olvas 'Петр читает книгу' - Péter olvas oroszul 'Петр читает по-русски', Péter esténként olvas 'Петр по вечерам читает'.

Спорным является утверждение А. Шальги, что "венгерскому глаголу не присуща категория залога" /с. 51/. Слово залог он переводит как 'igealak', 'változat' в то время как в венгер-

ских грамматиках употребляется термин igefajta /правда, в трех разных значениях/.

По мнению К.Е. Майтинской, "в венгерском языке среди грамматических категорий глагола в целом отсутствует категория залога, так как залоговые оттенки значения обозначаются множеством разнообразных суффиксов и выражение залоговой направленности не связано с какими-либо особыми формами спряжения"⁶. Однако, залоговые значения в русском языке также не связаны 'с какими-либо формами спряжения'. Академик Ференц Папп считает, что в венгерском языке не только глаголы, но и "отглагольные существительные выражают категорию залога. Ср.: развитие — fejlődés и fejlesztés, распространение /el/terjedés и /el/terjesztés и т.д." /То же самое наблюдается и в некоторых славянских языках, например, в польском. Ср. upominanije и upominanijsie/ ⁷. Факты венгерского языка подтверждают мнение Ф. Паппа. В венгерском языке также выражается семантико-языковая /или функционально-семантическая/ категория залога. Само содержание понятия 'залог' в языкознании является дискуссионным. Определение Аттилы Шальги, согласно которому "залог обозначает различные отношения между субъектом и объектом действия" /с. 51/, не выражает сущности этой категории. В "Гр.-80" /т. I, § 1455/ "Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом". Из этого ясно, что отношение между субъектом и объектом действия одно и то же. Ср.: ученик читает книгу — книга читается учеником. "Различия заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим" /Гр.-80, т. I, с. 613/. Другими словами, категория залога выражает отношение действия, субъекта и объекта действия к подлежащему предложению ⁸. В венгерском языке можно выделить больше залогов, чем в русском языке, а именно: действительный, страдательный /редко употребляется/, возвратный, взаимный, бесподлежащий, каузативный и потенциальный залогов.

В последнее время высказываются разные мнения о существовании вида и его признаках в венгерском языке. Одни лингвисты, в том числе и А. Шальга, считают, что в венгерском языке нет категории вида. Другие, напр., Л. Деже⁹, придерживаются мнения, согласно которому признак тотальности в русском языке проявляется в форме вида, а в венгерском языке — как видовое образование. Третьи лингвисты /Балаж Ваха¹⁰, Ференц Кифер¹¹/ высказывают мнение, что в венгерском языке существует вид, который отличается от русской видовой системы, но во многих аспектах русская и венгерская видовая система имеет сходные черты. На наш взгляд, в венгерском языке результативные, временные и количественные видовые значения не переплетаются между собой, как это часто наблюдается в русском языке, а проявляются в форме самостоятельных видовых противопоставлений. В венгерском языке однократные и многократные действия, мгновенные и длительные действия на основе результативного видового противопоставления могут обозначаться глаголами несовершенного и совершенного вида. Имеются такие семантические группы глаголов, для которых характерны противопоставления глаголов НСВ и СВ по значению процесса и его результата /результативные видовые пары /ir — megir/, по значению процесса и начала процесса /временные видовые пары — szeret — megszeret/, или по значению повторяемости и единичности действия /количественные видовые пары — szóval — megcsóvál/. Основным способом перфективации всех типов видовых пар являются приставки в чистовидовом значении, а реимперфективации — приставок, стоящих после глаголов /в случаях, если глаголы обозначают разные направления движения в пространстве/. Венгерские глаголы СВ — подобно болгарским глаголам совершенного вида — могут иметь простые и сложные формы будущего времени. /Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, О.П. Рассудова различают три компонента — общее значение, способы действия и частные видовые значения не внутри вида, как это Шальга утверждает /с. 48/, они выделяют внутри аспектуальности вид и способы действия, категория же вида обладает общим и частными видовыми значениями/.

Нельзя согласиться с утверждением Шальги, согласно которому "при выявлении значения русских приставок сопоставительный метод не поможет", потому что одной венгерской приставке, как правило, соответствуют разнообразные русские приставки" /с. 50/. Конечно, русские и венгерские приставки не совпадают во всех своих значениях, однако между русскими и венгерскими приставками в пространственном значении обнаруживаются регулярные соответствия. Утверждение Шальги почти полностью действительно только при сопоставлении способов действия. Языковые факты не подтверждают того, что Шальга пишет о значении некоторых венгерских приставок. Так, напр., глагол megaláz и без приставки meg- выражает пренебрежение /ср. porig/földig aláz/, поэтому приставка meg- не может иметь пренебрежительного значения. Глаголы felnagyít, lesoványodik и без приставки выражают увеличение или уменьшение, то есть приставки в данном случае не обладают такими значениями /ср. с. 85/.

Несомненной заслугой Шальги является указание на следы одушевленности при склонении венгерских существительных в тех случаях, когда нарицательные и собственные имена совпадают: при нарицательных именах окончание винительного падежа добавляется к основе через соединительный гласный, при собственных именах — без него. Ср.: kő — követ 'камень', Kő — Köt /фамилия, с. 69/. Эта особенность в склонении венгерских собственных имен однако характерна и для неодушевленных собственных имен /напр., Hollókő — Hollóköt/, то есть правильнее говорить о различии в склонении нарицательных и собственных имен в венгерском склонении. Можно отметить, что более 50 лет назад в русском языке образование творительного падежа некоторых типов собственных имен отличалось от образования творительного падежа нарицательных имен. Ср. жить под городом — жить под Куйбышевым, битва под Бородиным. В современном русском языке подобные различия имеются только в том случае, если собственные имена обозначают фамилии, то есть это второе проявление категории одушевленности в русском склонении.

Специальное исследование требуется для рассмотры синтаксической одушевленности/неодушевленности в русском и венгерском языках. В области сопоставления русского и болгарского языков Гочо Гочев провел такое исследование¹². / Ср.: звонить редактору — звонить в редакцию = felhívja a szerkesztőt — felhívja a szerkesztőséget, заявить о краже следователю — заявить о краже в милицию = bejelenti a lopást a nyomozónak — bejelenti a lopást a rendőrségen, узнать у друга — узнать из газеты = megtudja a barátjától/az újságból, выслать деньги через дядю — выслать деньги по почте = pénzt küld a nagybácsival/a postán, остановиться у товарища — остановиться в гостинице = megszáll a társánál/a szállodában, бежать к врачу — бежать в больницу = elszalad az orvoshoz/a kórházba /с. 45-49/.

Говоря о сходствах и различиях в обозначении пола людей, животных в русском и венгерском языках полезно было бы указать также на сходство и различия в обозначении собирательного значения /59, с. 68/.

Говоря о степени сравнения имени существительного в венгерском языке /с. 71/, следовало бы указать, что подобные явления имеются и в русском языке. Ср.: Мне кажется, что вы более индивидуалисты, чем народники /Горький, Жизнь Клима Самгина./¹³ — /В лит. языке: Мне кажется, что вы в большей степени индивидуалисты, чем народники/. Вы больше врачи, чем немцы /Горький, Жизнь Клима Самгина./ — /В лит. языке: Вы враги, хуже немцев/. ..кто более герой — поручик Петров или Антон Тагильский /Г., Ж. Кл. С./ — Кто поступил более геройски..., Возможно, что они правы, считая себя гораздо больше людьми, чем я /Г., Ж. Кл. С./ — ..они считали себя гораздо в большей степени людьми, чем я; ..и тот оказался более человеком, чем отец с матерью; Это чудо из чудес; Он трус из трусов; Он начальник над всеми начальниками.

К сказанному о степенях сравнения прилагательных можно добавить, что в венгерском языке формы сравнительной степени в отличие от русского языка — как и формы превосходной степе-

ни в обоих языках — также употребляются в значении безотносительной степени качества. Ср.: Egy idősebb emberrel beszélt — Он говорил с пожилым человеком; egy kissé kövérebb ember — толстоватый мужчина; egy nagyobb Volga-parti város — небольшой приволжский город.

Русским собирательным числительным и собирательным наречиям соответствуют в венгерском языке собирательные наречия /реже лично-притяжательные окончания мн. числа, присоединяющиеся к количественным числительным/, которые — в отличие от русского языка — образуются от всех определенно-количественных и неопределенно-количественных числительных и могут сочетаться только с названиями л и ц. /С названиями животных они встречаются только в народной речи/. Употребление собирательных числительных в русском языке может быть обязательным и факультативным. Собирательные наречия в венгерском языке употребляются факультативно /ср. с. 75/.

Относительно классификации местоимений можно отметить, что в русском и венгерском языках практически имеются те же самые семантические группы местоимений. Венгерские отрицательные местоимения, которых нет в таблице местоимений у Шальги /с. 76/, поскольку в венгерских грамматиках они объединяются в одну группу с неопределенными местоимениями, мало чем отличаются от русских отрицательных местоимений. В таблице русских местоимений нет взаимного местоимения, несмотря на то, что русское друг друга по структуре и значению соответствует венгерскому, немецкому или английскому взаимному местоимению /ср. egymás, einander, each other/.

Книга Шальги только выиграла бы, если ее автор использовал бы систему русских местоимений, разработанную А.В. Исаченко¹⁴. В венгерском языкознании также была предложена иная классификация.

К сказанному об указательных местоимениях можно добавить, что система указания по степени близости/отдаленности в русском и венгерском языках не совпадает /с. 78/. В современном русском языке существует двухступенная /бинарная/ система при

указании на предметы /этот — тот/ и признаки действий /сюда — туда/, одностепенная система — при указании на признаки предметов и их количество /такой, столько/. В древнерусском, сербо-хорватском, латинском языках имеется трехстепенная система указательных местоимений /сь — ть — онъ, ова — та — она, hic — iste — ille/. В некоторых случаях в современном русском языке встречаются элементы трехстепенной или даже четырехстепенной системы. Ср.: здесь/тут — там /при переключке в классе, реагируя на произнесенную фамилию ученика, следует отвечать здесь', а не 'тут'/, сейчас — теперь — тогда — во время оно /Сколько сейчас времени? — теперь не употребляется/. В венгерском языке имеется четырехстепенная система указательных местоимений, которые указывают на непосредственно близкие, близкие, далекие и более отдаленные предметы /emez — ez — az — amaz/, признаки предметов /emilyen — ilyen — olyan — amolyan/, признаки действий /emitt — itt — ott — amott, emide — ide — oda — amoda, emigy — igy — ugy — amugy/ или количество предметов /emennyi — ennyi — annyi — amannyi/. Четырехстепенная система указания в современном венгерском языке все более упрощается, на практике чаще употребляется двухстепенная система. К типологической системе указания относится также и то, что указательные местоимения, указывающие на предметы в венгерском языке, в функции определения всегда употребляются с определенным артиклем, в английском языке — без определенного артикля, так как определители в этом языке взаимно исключают друг друга. В болгарском языке указательные местоимения также не употребляются вместе с определенным артиклем. Ср.: Ez a ceruza az enyém — This pencil is mine — Этот карандаш мой — Този молив е мой.

Формулировка "Для выражения отрицания в венгерском языке употребляется не родительный /или винительный/ падеж, а именительный. Ср. Дождя не будет — Nem lesz eső.." /с. 64/ не является точной. В таких типах отрицательных предложений в русском языке не может употребляться винительный падеж. В русских отрицательных же предложениях с переходными глаголами можно употреблять вин. или род. падеж существительных. В эквивалентах та-

ких русских предложений в венгерском языке всегда употребляется только винительный падеж. Ср.: Он не читал сегодняшнюю газету/сегодняшней газеты — Nem olvasta a mai újságot.

Выбор термина координация для обозначения связей между подлежащим и сказуемым неудачен, поскольку этот термин во многих языках обозначает 'сочинение', ср. субординация 'подчинение' /с. 98/. Кроме того 'координация' является только одним из типов связей между подлежащим и сказуемым.

В заключение следует отметить, что книга Атилы Шальги предлагает один из возможных способов сопоставительного описания венгерского языка в зеркале русского языка. Она интересна и полезна не только советским, но и венгерским преподавателям русского языка. А. Шальга /несмотря на некоторые недосмотры и пробелы/ — внес значительный вклад в разработку системного сопоставления русского и венгерского языков. Данная работа несомненно будет стимулировать дальнейшие исследования в области сопоставительного изучения русского и венгерского языков.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1976, с. 38.
2. Примеры взяты из работы В.С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., 1961, с. 33.
3. См. Г. Тагамлицкая. Сложение предлогов как средство пополнения категории предлогов в славянских языках. Славянская филология. Сб. статей. III, IV Международный съезд славистов. М., 1958, с. 61-96.
4. Русская грамматика. Академия наук СССР. М., 1980, I, с. 614.
5. Там же.
6. К.Е. Майтинская. Венгерский язык. М., 1955, I, с. 205.
7. К. Болла — Э. Палл — Ф. Папп. Курс современного русского языка. Будапешт, 1968, с. 340.
8. См. Иштван Пете. Морфология современного русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Будапешт, 1984, с. 95.
9. Л. Деже. Типологические вопросы русской аспектологии. В кн.: "Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках". М., 1983, с. 4. Az "aspektualitás" és tanítása. Nyr, 1983, M., 1983, с. 4.
10. Wacna Balázs. Az igeaspektusokról. — MNy, LXXXII, I, Az "aspektualitás" és tanítása. Nyr, 1983, N° 2.
11. Kiefer Ferenc. Az előfeltevések elmélete. Bp., 1983; A magyar aspektusrendszer vázlata. — ÁNYT, Bp., 1984.
12. См. о зависимости падежного и падежно-предложного управления от категорий одушевленности/неодушевленности имени существительного. — Болгарская русистика, 1982, № 2.
13. Bosák Ctirad. Opisni komparativ v současné rustine. "Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české", II. Praha, 1961, с. 7-151. Иштван Пете. Количественные отношения в русском и венгерском языках. Будапешт, 1981, с. 11.
14. A.V. Isačenko. Die russische Sprache der Gegenwart. I, Formenlehre. Halle, 1962, с. 469-520.